

Вы скажете — лучше не помнить,
не плакать.
Но если над вами шумят изумленно
пять сосен зеленых...
пять сосен зеленых?..

* * *

Открыты сезоны в театрах,
и дворники жгут костры,
тают у ветра в лапах
блестки сухой листвы.

Копируя краски лета,
виднеясь то там, то тут,
последних берез букеты
в сосновой траве цветут.

Мокнущие проспекты,
мерзнущие мосты...
Осень... Ее рецепты,
как ни верти, просты.

Пригоршнями жемчужин
с неба летит вода.
Ночь. И по черным лужам —
белые крылья льда.

Сыну

Еще я помню те смешные
шестидесятые года.
Из Кривощёкова тогда
ходил трамвай на Расточные.
И был соцгород, край земли,
в кинотеатрике зеленом
грозили штурмом бастионам
из бухты кинокорабли.
И в «отгадайкино» — у нас
была тогда игра такая —
фильм сокращался в «КорШтуБас».
И, мяч до одури катая,
мы попадали иногда...
В шестидесятые года.

Беженец (страсти по Беловежью)

америка страна реминисценций...

А. Цветков

Калифорнийский вечер. Небо в тучах,
истаивая, никнет к берегам.
Гравюра на стене — охота в пуще:
Ферзем — король, гроссмейстером — кабан.

Здесь по утрам о будущем волнуясь
и принимая на ночь чистый бром,
я пребываю в ступоре, любясь
прабабушкиным фирменным гербом.

И наш отъезд, он не был зря, скажи мне?
Я до сих пор витаю в полусне,
где мы с тобой, та chère, впервые в жизни
на Запад отправляемся в СВ.

Вокзал, друзья, таможня... все при деле;
локомотив копытами блеснит.
Граница на замке? Преодолели.
Прощание славянки? Бог простит.

А за окном — шумит все тот же ветер,
что сорок лет назад в другой стране,
где все осточертело: те и эти...
Шумит и будит беженца во мне.

